

Л. В. Карагулян

О ПРОНИКНОВЕНИИ НЕОКАНТИАНСТВА И ФЕЙЕРБАХИАНСТВА В РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В КОНЦЕ XIX И В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Со второй половины XIX века возникло и получило широкое распространение на Западе и в России реакционное философское течение — неокантианство. Это было возрождением философии Канта без ее материалистических элементов. С чем это связано?

С момента широкого развертывания рабочего движения, т. е. с середины XIX столетия учение Канта явилось одним из самых сильных орудий в руках буржуазии в борьбе против революционного движения пролетариата. Философия Канта возникла в период восходящей линии развития капитализма, в эпоху буржуазных движений и ломки феодальных отношений. Поэтому, несмотря на специфические условия, в которых она зародилась и которые наложили на нее свою печать, кантовская философия отражала движение буржуазной идеологии вперед.

Революция 1848 года показала слабость немецкой буржуазии, которая, не успев еще окончательно справиться с феодальной бюрократией, уже должна была вести борьбу против пролетариата. Перед буржуазией стоял вопрос об идеологическом отпоре. Постепенно начинает возрождаться кантианство, это возрождение подготавливалось выкидыванием из кантовской философии ее положительных и ценных достижений. Возрождение кантианства было обусловлено приближением пролетарской революции, первые зарницы которой буржуазия с ужасом увидела в восстании парижского пролетариата в 1871 году. Однако широкое распространение неокантианства начинается в 90-х годах XIX столетия. В этот период совершается переход наиболее развитых стран от капитализма к империализму. Везде появляются возгласы эпигонов немецких философов, выступивших с лозунгом «Назад к Канту!». Они приспособляли к новым историческим условиям наиболее реакционные стороны философского учения Канта. Таким образом, неокантианство, направленное против освободительного движения пролетариата и его духовного оружия — диалектического и исторического материализма, в конце XIX начале XX в. сделалось одним из наиболее влиятельных течений в реакционной буржуазной философии. Нет такой формы современной буржуазной философии, отличающейся вообще своей реакционностью и мистицизмом, которая так или иначе не носила бы следов влияния кантовской философии.

Если главным идейным противником Канта был материализм, то главным врагом неокантианства явился марксизм. Наибольшую законченность неокантианство получило в двух главных школах: марбургской (Коген, Наторп, Кассирер) и фрейбургской (Виндельбанд, Риккерт).

В чем заключалось учение этих школ?

Обе школы острой своей борьбой направляли против диалектического и исторического материализма.

Баденская или фрейбургская школа не скрывала своего враждебного отношения к марксизму. Представитель этой школы Виндельбанд явно выражал свою ненависть к трудящимся массам, к пролетарскому движению. Он отмечал, что массы вступили в историческое движение и все громче заявляют о своих правах во всех областях общественной жизни. Движение масс, «коллективистическое понимание истории», т. е. марксизм, грозит, по мнению Виндельбанда, утратой того, что всегда составляло самое ценное в культуре—«жизни личности». Движение под лозунгом «Назад к Канту!», говорит Виндельбанд, есть одно из средств спасения «жизни личности» от угрозы подавления её «слепой силой коллектива». Представители баденской школы выступали как откровенные апологеты захватнической политики империализма.

Другая неокантианская школа—марбургская—специализировалась главным образом на фальсификации философии марксизма. Представители этой школы (Коген, Наторп) выдвигали теорию этического социализма, суть которой состояла в замене марксистской теории классовой борьбы и диктатуры пролетариата кантовским учением о категорическом императиве. Неокантианцы стремились доказать, что идеи социализма априорно заключены в душе каждого человека, независимо от его классового положения. Поэтому, утверждали неокантианцы, нужна не революция, а нравственная эволюция, которая и приведет к «социализму», фундамент которого составляет идея бога и вечность буржуазного государства и права. Такова социально-политическая сторона воззрений неокантианства.

Неокантианство явилось выражением критики Канта и правоверного кантианства справа, т. е. с позиций последовательного идеализма. Учение Канта в форме неокантианства послужило утонченным оружием проникновения в среду пролетариата через социал-демократию буржуазной идеологии. Неокантианство характерно для буржуазного мышления, легшего в основу оппортунизма и ревизионизма. Его стремление прикрыться флагом марксизма было связано с тем фактом, что марксизм после поражения Парижской коммуны превратился из узкого течения социальной мысли в основную идеологию пролетариата и охватил широкие пролетарские массы во всем мире.

Медленно, но неуклонно шел процесс собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим революционным битвам. Но диалектика истории такова, указывал В. И. Ленин, что теоретическая победа марксизма часто заставляет его врагов переодеваться марксистами. Внутренне сгнивший буржуазный либерализм проявился в виде оппортунизма в социалистических партиях. Период подготовки сил для великих дел оппортунисты стали истолковывать в смысле отказа от этих великих битв. Необходимо было выработать приемы фальсификации и ликвидации марксизма, для чего неокантианство сыграло роль основного оружия.

После смерти К. Маркса и Ф. Энгельса в рабочем движении наступает полоса господства оппортунизма и ревизионизма. Поэтому не случайно, что проникновение неокантианства в рабочий класс, как форма подчинения рабочего движения буржуазной идеологии, связано с ревизионизмом и именем первого крупного представителя его, с Бернштейном.

Ревизия марксизма была отражением буржуазной идеологии в рабочем движении, формой подчинения пролетариата идейному влиянию буржуазии. Ее социальная задача—затушевать противоречия классовой борьбы и найти формы примирения непримиримого. Ревизионистское крыло международной социал-демократии (Бернштейн и др.) стало на точку зрения неокантианства. Они хотели соединить марксизм с кантианством, а в политике (организационно-тактических вопросах) стали на точку зрения теории стихийности. Отрицая необходимость социалистической революции и диктатуры пролетариата, Бернштейн выдвинул знаменитый лозунг «движение все, конечная цель ничто». Он отрицал возможность научно обосновать необходимость и неизбежность социализма и считал несостоятельным конечную цель рабочего движения, т. е. коммунизм. Вот что пишет по этому поводу В. И. Ленин: «Конечная цель—ничто, движение—все, это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты,—такова ревизионистская политика»¹.

Революционную теорию Маркса и Энгельса Бернштейн обвинял в «утопизме», а предательство коренных интересов рабочего класса, реформизм и оппортунизм, называл «реалистической точкой зрения». В предисловии к книге «Предпосылки социализма» он писал: «Что для меня действительно важно и что составляет главную цель настоящего труда заключается в том, чтобы разрушением еще существующего утопического образа мыслей в социалистической теории соответственно усилить реалистический и идеалистический элементы социального движения»².

Провозгласив лозунг «Назад к Канту!», Бернштейн выступил против философского материализма, против революционной диалектики. Отказываясь от диалектического материализма, он остановился на позиции кантовского агностицизма.

Бернштейн писал о Канте: «Кант, этот трансцендентальный идеалист, фактически был гораздо более строгим реалистом, нежели многие последователи так называемого естественно-научного материализма. Он требовал лишь полноправия для мира чувственных восприятий, он не ввел понятия о лежащей по ту сторону нашего познания «вещи в себе», —

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 23.

² Э. Бернштейн, Предпосылки социализма и задачи социал-демократии, стр. 12.

это было сделано, хотя и под другим названием, задолго до него,—а поставил его в определенные границы, и проведенная им демаркационная черта и в настоящее время остается в принципе еще не опровергнутой»³.

Учение Канта об ограниченном человеческом познании, учение, отрывающее познание от реальной действительности, явилось выражением отрыва теории от практики, мысли от вещи, слова от дела, характерного для буржуазного мышления и легшего в основу ревизионизма, видными представителями которого явились Э. Бернштейн, К. Каутский, М. Адлер и др.

Бернштейн «дополнял» марксизм кантианской этикой—категорическим императивом и учением о «целях и ценностях». Марксизм якобы не способен объяснить значение нравственных мотивов. Это может сделать только идеализм и прежде всего идеализм Канта. Бернштейн утверждал, что социализм является не научной, а лишь «моральной проблемой», «этическим социализмом». Практическая сущность «этического социализма» Бернштейна, поворота его «Назад к Канту!» заключалась в замене научного социализма либерализмом, революционной тактики—реформистской. Он ставит вопрос о том, есть ли внутренняя связь между социализмом и наукой, и есть ли вообще научный социализм. Бернштейн, аналогично Канту, считает, что научный социализм такая же бессмыслица, как «научный капитализм» или «научный либерализм». Социализм не может быть научным, ибо всякая наука должна быть беспристрастной. Это требование, выдвинутое Бернштейном, есть проявление буржуазного объективизма, столь характерного для многих неокантианцев, рядящихся под «марксистов». Ревизионистские идейки Бернштейна нашли многочисленных поклонников как в германской социал-демократии, так и вне ее. Они считали, что Кант—«истинный и подлинный основатель немецкого социализма». Оппортунисты из рядов германской социал-демократии открыто называли Канта «основателем научного социализма». Неокантианствующие оппортунисты—Бернштейн, Шмидт, Эйсер, Форлендер, Штаудингер—стремились как можно шире насаждать кантовский агностицизм и кантовскую мораль в среде рабочего класса.

Партии 2-го Интернационала не вели борьбу с ревизионизмом, попав под влияние реформистских лидеров, врагов марксизма, подобных Бернштейну.

«В области философии,—говорил Ленин,—ревизионизм шел в лавах буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «Назад к Канту!», и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли в тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма,—и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово) по последнему хандбуху, что материализм давно «опровергнут», профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку», и проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый,

³ Э. Бернштейн. Реалистический и идеалистический моменты в соц., стр. 5.

чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики,—и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (революционную) диалектику «простой» (и спокойной) эволюцией»⁴.

Классовая сущность философского ревизионизма сводится к теоретическому обоснованию политики оппортунизма, к подчинению интересов рабочего класса интересам буржуазии. Главным для оппортунистов было добиться от господствующих классов реформы, незначительных улучшений для рабочих, не затрагивая основ капитализма. Они требовали отказа от основных положений марксизма, от теории классовой борьбы и проповедовали теорию стихийности в рабочем движении.

А между тем нам известно, что восхваление теории «бессознательности», иначе говоря, теории стихийности было присуще буржуазным идеологам (Лебон, Тард, Гартман). «Главной характеристичной чертой нашей эпохи,—пишет Лебон,—служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы»⁵. По учению Лебона, толпа исключительно управляется бессознательно. Он уподобляет толпу листьям деревьев, поднимаемым ураганом и разносимым в разные стороны и затем падающим на землю. Чтобы ярче подчеркнуть теорию бессознательности и снизить роль сознательного элемента в жизни народов, Лебон пишет: «Явления бессознательности играют выдающуюся роль не только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Наши сознательные поступки вытекают из субстрата бессознательного, создаваемого в особенности влияниями наследственности»⁶.

Полную солидарность со взглядами Лебона проявляет другой буржуазный мыслитель Тард. Он, увековечивая принципы частной собственности, пишет: «Мое правительство, мои законы, моя цивилизация представляют собою вещи, которые я, как существо социальное, присваиваю себе, чтобы социально развернуть свою природную и индивидуальную, единую и своеобразную, и которые не имеют права подчинять меня себе дальше того предела, за которыми они перестают служить мне таким образом. Отсюда вытекает основание думать, что несмотря на полготворяющийся потоп социализма, индивидуалистический либерализм не погибнет и возродится в конце в более высоких формах»⁷.

Таким образом, излагая мнения буржуазных идеологов, нам становится совершенно ясно, что их основная линия сводится к восхвалению теории «Бессознательности», иначе говоря, к теории стихийности, которая преследовала цель усыпить пролетариат, не давать возможности ему включиться в активную борьбу против господствующих классов. Оппортунисты, являясь агентами буржуазии и выражая её стремления внутри

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 19.

⁵ Лебон, Психология народов и масс, изд. 1896 г., стр. 149.

⁶ Там же, стр. 167.

⁷ Тард, Социальная логика, изд. 1901 г., стр. 377.

рабочего движения, не случайно отказывались от классовой борьбы, от социалистической революции, от диктатуры пролетариата и проповедовали примирение рабочего класса с буржуазией.

В России с середины 90-ых годов также обнаружилась попытка буржуазии приспособить и подчинить рабочее движение интересам буржуазного общества. «Легальные марксисты» Струве, Туган-Барановский, Булгаков и другие предприняли ревизию марксизма и его философии. «Легальный марксизм» явился своеобразной разновидностью международного ревизионизма. Русские «легальные марксисты» включились в неокантианское движение и пытались подменить марксизм кантианством.

В струвизме В. И. Ленин вскрыл черты, свойственные всему международному оппортунизму—стремление буржуазии взорвать марксизм изнутри, превратить его в либеральное учение, враждебное задачам революционного преобразования капиталистического общества, чуждое научному материалистическому мировоззрению. «Легальные марксисты» выкидывали из учения Маркса его основные положения—идею пролетарской революции и диктатуры пролетариата. В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин разгромил буржуазный объективизм «легальных марксистов». В чем заключаются классовые корни буржуазного объективизма,—в проявлении буржуазной партийности, суть которой состоит в стремлении замазать реальные классовые противоречия, заглушить борьбу трудящихся за социализм, сохранить и укрепить капиталистические порядки. В. И. Ленин впервые показал, что струвизм имеет международный характер. Струвизм, будучи международным течением, имел в своей теоретической основе неокантианизм. Вот почему Ленин считал, что борьба с неокантианством русских «легальных марксистов» имеет международное значение. «Струвизм,—говорил впоследствии Ленин—есть не только русское, а ...международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы-признания «всех» «истинно-научных» сторон и элементов марксизма, кроме «агитаторской», «демаггической», «бланкистски-утопической» стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность»⁸.

Ленин, сравнивая «легальных марксистов» с Бернштейном, считал, что между ними так много общего, что их можно назвать русской бернштейнадой. «Те ученики Маркса, которые призывают: «Назад к Канту!», не дали до сих пор ровно ничего, доказывающего необходимость такого поворота и наглядно представляющего выигрыш теории Маркса от оплодотворения её неокантианством... Наоборот, те ученики, которые пошли назад не к Канту, а к философскому материализму до Маркса, с

⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 197—198.

одной стороны, и к диалектическому идеализму, с другой стороны, дали замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма, показали, что он представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки»⁹.

Борьба с неокантианской ревизией марксизма развернулась в международном масштабе. В нее включились лучшие теоретики социал-демократии: Меринг, Лафарг, Благоев, Плеханов и др.

Из видных деятелей 2-го Интернационала Плеханов повел наиболее решительную борьбу с неокантианской ревизией марксистской философии. Борьба Плеханова против кантианства нашла свое отражение в его трудах «Бернштейн или материализм», «Материализм или кантианизм», «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса» и другие. В этих трудах он подверг критическому анализу философские взгляды Канта.

Плеханов показал, что агностицизм—доказательство непознаваемости вещей в себе—основной мотив философии Канта. Вот что он пишет по этому поводу: «Что такое явление? Это—состояние нашего сознания, вызываемое действием на нас вещей в себе. Так говорит Кант. Из этого определения следует, что предусмотреть данное явление—значит предусмотреть то действие, которое окажет на наше сознание вещь в себе. Теперь спрашивается: можем ли мы предусматривать некоторые явления? Ответ: конечно, можем.... Если же мы предусматриваем действия на нас вещей в себе, то это значит, что нам известны (по крайней мере) некоторые их свойства. А если нам известны некоторые свойства вещей в себе, то мы не имеем право называть эти вещи непознаваемыми»¹⁰.

Плеханов очень остроумно и в целом правильно показывает всю нелепость кантовской субъективно-идеалистической точки зрения. «Перенесемся мысленно в ту эпоху,—говорит он,—когда на земле существовали только весьма отдаленные предки человека, например, во вторичную эпоху. Спрашивается, как обстояло тогда дело с пространством, временем и причинностью? Чьими субъективными формами были они в то время? Субъективными формами ихтиозавров? И чей рассудок диктовал тогда свои законы природе? Рассудок археоптерикса? На все эти вопросы философия Канта не сможет дать ответа. И она должна быть опровергнута как совершенно несогласимая с современной наукой»¹¹.

Плеханов правильно вскрыл социально-политическую направленность кантианства. Буржуазия заинтересована в возрождении кантианства, поскольку она надеется, что философия Канта поможет ей усыпить пролетариат. Плеханов высмеивал утверждение ревизионистов о том, что учение Канта является нейтральной и безвредной философией пролетариата. Неокантианец К. Шмидт заявлял, что буржуазия не так глупа, чтобы питать надежды на использование кантианства в своих классовых целях. Отвечая ему, Плеханов указывал, что глупостью отличается здесь

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 66.

¹⁰ Плеханов, Избранные философские произведения, т. 2, стр. 405.

¹¹ Плеханов, Соч., т. 8, стр. 392.

совсем не буржуазия, она далеко не глупа, а она умело использует кантианство для того, чтобы «морализовать» пролетариат. При этом, отмечал Плеханов, буржуазии нет надобности непосредственно обращаться с кантианством к рабочим. Достаточно, чтобы эта философия вошла в моду и дала повод некоторым людям распространять в рабочем классе вытекающие из нее конечные выводы.

Плеханов в статье «Бернштейн и материализм» выступил против Бернштейна, который звал «вернуться к Канту». Плеханов выявил всю беспомощность Бернштейна в области философии, на его призыв «вернуться к Канту», он иронически советовал «вернуться к изучению философии». Далее Плеханов правильно отмечает, что Бернштейн, будучи так близко знаком с философией Ф. Энгельса, не понял её, не понял то, как Энгельс вел борьбу с кантианством. Энгельс в труде «Людвиг Фейербах» писал: «И если немецкие неокантианцы стараются воскресить взгляды Канта, а английские агностики—взгляды Юма (никогда не вымиравшие окончательно в Англии),—несмотря на то, что и теория и практика давно уже опровергли и те, и другие,—то в научном смысле это представляет собою попятное движение, а на практике дает этим стыдливым людям возможность впустить через заднюю дверь тот самый материализм, который изгоняется на глазах публики»¹².

В статье, направленной против К. Шмидта, Плеханову удалось раскрыть социальный и политический смысл увлечения идеологов буржуазии неокантианством. «Отвращение буржуазии от материализма и её пристрастие к философии Канта очень хорошо объясняются современным состоянием общества. Буржуазия видит в учении Канта сильное «духовное оружие» в борьбе с крайними стремлениями рабочего класса. Поэтому-то кантианизм и сделался модным учением в среде образованных буржуа»¹³.

Хотя и выступления Плеханова против неокантианской ревизии марксизма имели большое историческое значение, тем не менее его критика была непоследовательной. Здесь мы видим явно влияние слабых сторон домарксовской философии, на что неоднократно указывал Ленин. В «Философских тетрадах» Ленин писал: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь (с порога—Л. К.) отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий»¹⁴. И дальше: «Марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и ксмитов более по Фейербаховски (и по Бюхнеровски), чем по Гегелевски»¹⁵.

¹² Энгельс, Людвиг Фейербах, изд. 1923 г., стр. 44.

¹³ Плеханов, Избранные философские произведения, т. 2, стр. 422.

¹⁴ В. И. Ленин, Философские тетради, изд. 1936 г., стр. 173.

¹⁵ Там же, стр. 174.

Таким образом, необходимо указать, что Плеханов и вообще меньшевики в России, которые боролись против ревизионизма и неокантианства, сами стали на точку зрения фейербаховского материализма, в частности в тактических вопросах.

Плеханов, принадлежавший к числу политических вождей и теоретиков II Интернационала, не смог понять существа новой исторической эпохи, начавшейся на рубеже XIX—XX в., не смог творчески применить марксизм к условиям эпохи империализма и пролетарских революций. Ошибочные политические взгляды вождей и теоретиков II Интернационала, их терпимость к оппортунизму были в той или иной мере присущи и Плеханову. Меньшевики во главе с Плехановым выступали против вооруженного восстания, что полностью согласовывалось с их оппортунистической «теорией стихийности» в рабочем движении. Они отрицали активную руководящую роль партии в революционном движении. Меньшевики в основном занимали такую позицию, какую оппортунисты во II-ом Интернационале.

В. И. Ленин в труде «Две тактики социал-демократии в демократической революции» критиковал новоискровцев, считавших, что можно не выставлять требования республики, не говорить о необходимости Временного революционного правительства, об борьбе против контрреволюции и т. д. И далее, что Временное правительство должно было бы «регулировать» борьбу этих классов. Ленин считал, что постановка такого вопроса походит на либерально-освободительскую формулировку, ничего не говорящую о конкретных задачах нашей партии.

«Способ изложения своих мыслей новоискровцами напоминает отзыв Маркса (в его знаменитых «тезисах») о Фейербахе (о старом, чуждом идеи диалектики, материализме). Философы только истолковывали мир, различным образом,—говорил Маркс,—а дело в том, чтобы изменить этот мир. Так и новоискровцы могут сносно описывать и объяснять процесс происходящей у них на глазах борьбы, но совершенно не могут дать правильного лозунга в этой борьбе»¹⁶. Совершенно очевидно, что с позиций фейербаховского материализма меньшевики во главе с Плехановым не могли подвергнуть уничтожающей критике неокантианство. А с другой стороны на почве созерцательности мы видим единство между Бернштейном и Плехановым, оппортунистами II-го Интернационала и меньшевиками. Все это, как нам представляется, позволяет утверждать, что Плеханов и меньшевики в решении тактических вопросов находились под влиянием некоторых слабых сторон фейербаховского материализма.

В чем заключается сущность фейербахианства?

Философия Л. Фейербаха была мировоззрением прогрессивной немецкой буржуазии в период подготовки к революции. Фейербах был идейным вождем немецкой буржуазной интеллигенции, он выражал её радикальные настроения, идеалы. Для этой интеллигенции весьма характерны были революционная фразеология, красноречивый радикализм,

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 28.

утопические мечтания о социализме, созерцательное отношение ко всему существующему, возвышение личности и т. д.

Известно, что философия Фейербаха послужила теоретическим основанием для определенных политических течений, а именно для «истинного социализма» Карла Грюна и др. Фейербах не выдвигал программы преобразования общества, изменения условий производства в жизни людей, классов. Вместо этого он как буржуазный мыслитель сконцентрировал свое внимание на человеке-личности. Личность должна быть все-сторонне развитой, теоретически образованной, должна иметь свой идеал, должна обратиться к нему и заниматься самоусовершенствованием. «Пусть нашим идеалом,—писал Фейербах,—будет... цельный, действительный, всесторонний, совершенный, развитый человек»¹⁷.

Идея личности была подхвачена и широко использована мелкобуржуазными либералами и демократами, хотевшими отвлечь внимание «массы» в сторону личного совершенствования и покорного следования за просвещенными вождями. Здесь, конечно, мы находим определенную связь с «этическим социализмом»—неокантианским учением, пользующимся большим почетом и распространением у идеологов 11-го Интернационала. Суть этого учения сводится к тому, чтобы не дать возможность рабочим бороться за социализм в действительности. Моральная проповедь, воззвание к общечеловеческой любви и тому подобные призывы, которые мы находим у Фейербаха, идут именно по этой линии.

В письме к Швейцеру от 24 января 1865 г. Маркс сравнивает Фейербаха с Прудоном. Оба—представители революционной буржуазии и мелкобуржуазной демократии. Оба—ярки, но не глубоки, блестящи, но очень бедны. Оба страдают мелкобуржуазным утопизмом, ибо вместо действительной борьбы, вместо чувственно-человеческой, материальной деятельности, они действительные противоречия жизни думали устранить чисто теоретическим способом: обличительным красноречием, моральным негодованием, вызыванием к «истинно-человеческой любви и разуму» и т. д.

«В произведениях французских социалистов и коммунистов, известных Прудону,—пишет Маркс,—собственность не только критиковалась с различных точек зрения, но и утопически «уничтожалась». Своей книгой Прудон стал приблизительно в такое же отношение к Сен-Симону и Фурье, в каком стоял Фейербах к Гегелю»¹⁸.

Непонимание практики как чувственной, материальной деятельности людей, созерцательность были органически связаны с натурализмом («антропологизм») в теории познания Фейербаха. Отсюда непонимание значения «Революционно практически—критической деятельности». «Фейербах никогда не дошел до того,—писал Маркс,—чтобы понять чувственный мир как совокупную чувственную деятельность индивидуумов, её составляющих и воспринимающих, и потому, когда он например, вместо здоровых людей видит голодную толпу забитых, надорванных, тубер-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, О Фейербахе. «Архив», кн. 1, стр. 219.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 17.

кулезных бедняков, он вынужден спасаться в высшем созерцании, интуиции и в идеальном выравнивании многообразия вроде (Cattung), следовательно он снова впадает в идеализм там, где коммунистический материалист устраивает необходимость и одновременно с этим условие переустройства как промышленности, так и общественного уклада»¹⁹.

И, как ни странно, после всего сказанного о понимании практики Фейербахом, некоторые ученые не видели различия между практикой Фейербаха и Маркса. Так, например, Плеханов считал, что Маркс не прав в критике Фейербаха в вопросах теории познания. Он отождествлял философию Фейербаха с диалектическим материализмом Маркса и Энгельса. Но Плеханов пошел еще дальше в этом вопросе, он считал, что гуманизм Фейербаха. сказывается не чем иным, как спинозизмом, освобожденным от его теологической привески, и именно на точку зрения этого спинозизма, освобожденного Фейербахом от его теологической привески, перешли Маркс и Энгельс, когда разорвали с идеализмом. «Я с полнейшим убеждением,—пишет Плеханов,—утверждаю, что Маркс и Энгельс в материалистический период своего развития никогда не покидали точку зрения Спинозы» «А так как точка зрения Фейербаха была точкой зрения спинозизма, то ясно, что и тождественная с нею философская точка Энгельса не могла быть иною»²⁰. Далее Плеханов продолжает, что «освобождение спинозизма от теологической привески значило обнаружить его истинное, материалистическое содержание, стало быть спинозизм Маркса и Энгельса и был новейший материализм»²¹.

Необходимо указать, что Плеханов не случайно вспоминает Спинозу, у него есть специальная схема насчет теории познания Спинозы. Плеханов, конечно, в основном, был прав, когда находил, что между теорией познания Спинозы и Фейербаха различия нет, но он был неправ, когда указывал одновременно, что различия нет между теорией познания Маркса и Фейербаха. Мы видим у Плеханова следующее заявление по вопросу о соотношении фейербахианства и марксизма. «Гносеология Маркса,—пишет Плеханов,—есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки»²².

Плеханов чем больше входил в меньшевизм, тем дальше отодвигался от практики. Отсюда и неудивительно, что в 1908 г. в труде «Основные вопросы марксизма» Плеханов писал, что отличие теории познания Маркса от теории познания Фейербаха заключается в том, что он не понял роль практики в познании. Маркс и Энгельс сделали к ней гениальную поправку. Плеханов был прав. А уже в 1913 г., отходя от этого правильного понимания вопроса, в труде «От идеализма к материализму» тот же Плеханов находил, что гносеология Маркса и Фейербаха тож-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, стр. 244.

²⁰ Плеханов, *Соч.*, т. 18, стр. 188.

²¹ Там же, стр. 189.

²² Там же, т. 17, стр. 190—191.

дественны. Естественно, что Плеханов чем дальше отходил от марксизма, тем больше погружался в тину меньшевизма.

В дальнейшем плехановскую ошибку продолжили представители меньшенствующего идеализма, которые в разработке теоретических вопросов пытались подменить материалистическую диалектику идеалистической диалектикой. Эпигоны Плеханова дошли до того, что принизили марксизм до фейербахианства. Так, например, Деборин считал, что Маркс наметил основные моменты «марксизма» на почве фейербаховской философии и что марксизм является продолжением фейербахианства. Но Деборин пошел еще дальше, он заявляет: «Время Фейербаха еще придет»... Что означает этот лозунг? Это скрытая формулировка лозунга: «Назад к Фейербаху!» Но, как известно, лозунг «Назад к Канту или Фейербаху» есть лозунг всех ревизионистов и отход от марксизма.

Такой подход к истории марксизма абсолютно неправилен, он является вульгарно-механистическим.

Все это свидетельствует о том, что настроение возрождать фейербаховский материализм в его слабых чертах действительно было распространено в определенных кругах, именно—меньшенствующих идеалистов.

Все это говорит о том, что с конца 90-ых годов XIX столетия ревизионизм в рабочем движении, как правило широко опиравшийся на неокантианство, в определенных условиях начинает обращаться и к философии Фейербаха, точнее к слабым сторонам его учения.